

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ЗАВОЕВАНИЕ КАК ВОЛНОВОЙ ПРОЦЕСС

**В.К. Карнаух, доктор философских наук, профессор.
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации**

Исследуются завоевания как форма социальных волновых процессов. Особое внимание уделяется антропологическому подходу к войне.

Ключевые слова: завоевания, война, социальные волны, коллапс, пространство, время

CONQUEST AS A WAVE PROCESS

V.K. Karnaukh. The North-West Institute of management – branch of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation

The article examines the conquests as form of social waves. Special attention is paid to the anthropological approach to the war.

Keywords: conquest, war, social waves, collapse, space, time

Война стала существенным феноменом общественной жизни, она все больше привлекает внимание исследователей. До недавнего времени единственно верной в нашей литературе признавалась типология войн на основе общественно-экономических формаций. Однако критика теории общественно-экономических формаций показывает, что необходимы новые подходы к исследованию войн.

Один из таких подходов может состоять в том, чтобы вместо прежнего одномерного видения войны, при котором она сводилась к продолжению политики другими средствами [1, с. 38] перейти к выявлению ее антропологического содержания, к исследованию войны как феномена человеческой культуры, рассматривая ее распространение как социальный волновой процесс.

Понятие социальной волны отражает более высокий уровень обобщения по сравнению с волнами, характерными для физической формы движения материи. Существенное свойство физической волны заключается в переносе энергии без переноса вещества. Социальная волна снимает это ограничение. Характерная ее особенность состоит в том, что она может сопровождаться перемещением людей, информации и продуктов их материальной деятельности от центра цивилизации к периферии. Одной из форм социальных волновых процессов выступает война.

Война представляет один из древнейших институтов человеческого общества, истоки которого обнаруживаются уже в палеолите. При исследовании каузальности войн следует исходить из многофакторного подхода. В тот период войны вызывались главным образом такими неэкономическими причинами, как мщение за убийство, обвинение в колдовстве или за похищение женщин [2, р. 455]. Поскольку плотность населения была низка, и люди жили небольшими группами, война за ресурсы представляла относительно редкое явление.

В первобытном обществе захват чужой родовой территории никогда не был главной целью введущихся войн. Чужая территория считалась местом обитания духов предков

побежденных. Опасаясь мести со стороны этих духов, победители почти никогда не претендовали на заселение покинутой недругами земли [3, с. 357].

В первобытном обществе участники войны располагали определенной совокупностью средств, позволявших ограничить масштаб и последствия военных действий. Одним из таких средств стало освобождение определенной части населения, включая детей, женщин, престарелых и одиноких, от участия в военном конфликте. Кроме того, для ограничения войны использовались соглашения, устанавливавшие время, место и условия начала войны. Наконец, самым важным средством, не только ограничивавшим войну, но и определявшим характер самого боя, был установленный ритуал [4, р. 387].

Несмотря на эти ограничения, вряд ли следует идеализировать первобытные войны. Иногда они принимали столь неистовый характер, что отмеченные ограничения отбрасывались, и насилие достигало высокого уровня. Кроме того, войны нередко вынуждали более слабого участника конфликта покидать привычную для него местность и переходить на территорию с худшими условиями. Если ограничения, установленные на развязывание войны, предохраняли ту или иную социальную группу, то вынужденные перемещения наносили ей ущерб и даже могли привести к ее распаду.

Обычно войны велись так, чтобы свести к минимуму потери людей, однако человеческая жизнь в тот период не представляла особой ценности, поэтому война могла выступать как средство регулирования численности населения или как способ осуществления жертвоприношений богам. Первобытные войны неразрывно были связаны с проведением церемоний и ритуалов, они обычно проводились в форме внезапных и непродолжительных рейдов, а технология каменного века определяла возможности используемых орудий войны.

С переходом к производящему хозяйству, когда количество населения значительно возросло и начало оказывать растущее воздействие на окружающую среду, произошло, с одной стороны, резкое повышение интенсивности войн, а с другой – войны обрели характер завоеваний и стали направляться на захват чужих территорий. Самые ранние земледельцы, отмечал Г. Чайлд, очевидно, были мирными людьми, однако институт войны всех против всех, возникающий, когда свободная, легко поддающаяся обработке земля, становится редким явлением [5, р. 74].

Угроза войны оказала существенное влияние на пространственные формы расселения земледельцев. Первые земледельцы селились либо хуторами, либо жили в компактных поселках [3, с. 331]. Хуторская система расселения создавала наиболее благоприятные возможности для ведения сельского хозяйства. Она облегчала труд земледельца, сводила к минимуму издержки, связанные с ежедневными переходами из поселков в поле и обратно, давала возможность обеспечить наиболее эффективную охрану полей. Как видим, хуторская система расселения оставалась оптимальной с точки зрения развития раннего земледелия. Тем не менее, чтобы обезопасить себя, прежде всего там, где велись интенсивные войны, люди вынуждены были селиться в огражденных крупных компактных поселках.

С переходом к цивилизации война начинает играть все более важную роль в жизни общества. Цари-жрецы постепенно вытесняются военными лидерами. Военные предприятия становятся специализированной сферой человеческой деятельности. Возрастающий масштаб военных действий приводит к тому, что поединки перерастают в новое качество битвы и сражения. На смену каменному, а затем медному, приходит бронзовое оружие.

Поскольку оружие в жизни человека ранней цивилизации играло исключительно важную роль, ему придавалось магическое значение. Оружие считалось живым, наделялось душой, предметам оружия давали собственные имена. В то время полагали, что оно не только живет собственной неведомой жизнью, но и теснейшим образом связано с жизнью хозяина, является средоточием его души. Оружие часто изготовляли на заказ, при этом учитывалась не только реальная приспособленность оружия к физическим особенностям заказчика, но и его соответствие магическим и религиозным воззрениям будущего владельца [6, с. 9].

Основным, самым массовым оружием ближнего боя на древнем Востоке были кинжалы и боевые топоры. Не случайно в эпосе о Гильгамеше топор и кинжал выступают как главное орудие героя [7, с. 15–23]. Наряду с ними самым распространенным видом древнего оружия, которое использовалось как для удара, так и для метания на близкое расстояние, стало копье. Копье позволило удерживать противника на расстоянии. Его использование сыграло существенную роль в развитии тактики боя. Применение копья в условиях раннегосударственных образований позволило выработать сомкнутый строй пеших воинов, который подчинялся строгой дисциплине и действовал благодаря синхронности движения воинов как единое целое [6, с. 54].

Поскольку изготовление оружия было всегда наиболее передовой отраслью производства, для его выделки использовались лучшие, часто редкие привозные материалы. Поэтому оружие обычно было относительно дорогим, что еще больше повышало его роль в глазах владельца. Наряду с обычным появилось парадное оружие. Парадное оружие было, прежде всего, знаком отличия, высоты социального положения. Такое оружие, обладая всеми боевыми свойствами обычного оружия, отличалось от него лишь ценностью материала отделки и трудоемкостью изготовления [6, с. 10].

Какими причинами вызывались войны в условиях цивилизации? С определенными оговорками по этому вопросу можно согласиться с мнением Э. Фромма, который считает, что от царей Вавилона и правителей Греции до государственных деятелей современности «все и всегда планировали свои войны, исходя из самых реальных оснований, тщательно взвешивая все за и против» [8, с. 183]. Причем мотивы войн были самые разные: земля и их полезные ископаемые, возбуждающие алчность богатства и рабы, рынки сбыта и сырья, экспансия. Спровоцировать военные действия могли и такие исключительные, нетипичные факторы, как жажда мести или разрушительная ярость малого народа [8, с. 183]. Наряду с перечисленными следует учитывать и другие факторы, в том числе природу самого человека.

Чтобы защититься от нападения, начинают возводить крепостные сооружения [1, с. 309, 314]. Такие сооружения представляли подлинный щит против наступления неприятеля, и, чтобы блокировать их, ему приходилось отвлекать значительные силы. Крепости выступали не только как тактические опорные пункты, но и как гостеприимные дома, как убежища для разбитых отрядов, обеспечивая безопасность и возвращая самообладание тем, кто испытывал чувство страха. Кроме того, являясь хранилищами запасов, накопленных за продолжительное время в прошлом, крепости обеспечивали своих защитников необходимым продовольствием на случай длительной осады в настоящем и в будущем. Со временем они обрели столь важное стратегическое значение, что военные кампании стали направляться не на то, чтобы уничтожить противника, а на взятие тех или иных крепостей.

Вместе с искусством строительства крепостей изобретались средства и вырабатывались приемы их захвата. С точки зрения времени, необходимого для взятия крепостей, основными приемами овладения ими стали штурм и осада. Причем, если при штурме использовались тараны и штурмовые лестницы, то при осадах применялись подвижные башни и окопы, а также возводились земляные насыпные валы с тем, чтобы господствовать над стенами осажденных городов.

Революционные последствия для военного дела имело создание конного войска. Хотя шумеры уже в III тыс. до н.э. использовали в военных целях повозки, запряженные онаграми, тем не менее, они являлись скорее средством передвижения аристократической части войска, чем боевой ударной силой. С созданием конно-колесничного войска положение радикально изменилось. Колесница придала ударной части армии высокую мобильность и позволила с налета расстраивать пехотные формирования противника на поле боя. Однако слабостью колесниц оставалась их высокая уязвимость и непрочность.

Открытие и использование железа ознаменовало начало новой революции в военном деле, которая произошла в античной Греции.

В Греции зародилась и фаланга, прославившаяся в ближнем бою.

Но, пожалуй, самым существенным оказалось изменение отношения к противнику. В проводимых сражениях не зафиксировано попыток греков уничтожить противника после его поражения.

Организация фаланги была доведена до совершенства легионерами Рима. Введенная ими система манипул обеспечила высокую тактическую маневренность на поле боя. Однако самой важной новацией римлян стал введенный ими порядок подготовки и проведения войны. Он включал бюрократически регулируемый набор новобранцев, их организацию, систему приказов и налаженное снабжение. Такая военная организация способствовала достижению целей войны самым безжалостным образом.

Хотя многие из черт, характерных для римской военной системы, стали достоянием современности, тем не менее, вряд ли следует преувеличивать уровень рациональности воинственной культуры римлян. Имперское поведение римлян показывает, что в военных делах перспектива определялась в большей мере желанием славы, чем стратегической теорией [4, р. 277]. Их политическая рациональность не выработала стратегии, рассчитанной на долговременное существование, направленное против вторжений варваров.

Пока войны были непродолжительными и происходили вблизи от мест проживания участников сражений, для их ведения использовалось гражданское ополчение. Однако участие в дальних и продолжительных походах все чаще приводило к разорению крестьянских хозяйств. Кроме того, частые и дальние войны требовали большего, чем прежде, профессионального мастерства, которого уже не хватало рядовым земледельцам. Поэтому для участия в таких войнах все шире начинают привлекать наемников, которые были лучше обучены и более дисциплинированы, чем гражданское ополчение, они сделали военное дело своей постоянной профессией [9, с. 654].

Развитие технологии пороха ознаменовало завершение эпохи железа, последним уходящим символом которой стал рыцарь в доспехах. Использование подвижной артиллерии продемонстрировало уязвимость традиционных укреплений, а строительство новых требовало столь значительных затрат, что они были по силам только централизованному государству.

Применение пороха имело революционные последствия не только на суше, но и на море. До использования пороха военно-морские сражения обычно сводились к столкновению кораблей, которые вначале лавировали, а затем таранили друг друга. Установление пушек на кораблях позволило вести прицельную бортовую стрельбу и тем самым резко повысить деструктивные последствия морских сражений.

До изобретения огнестрельного оружия сила и ловкость человека имели столь большое значение, что обычно определяли судьбу проводимых сражений: из двух армий превосходство было на стороне той, в которой каждый в отдельности воин обладал большей ловкостью и искусством в употреблении своего оружия.

Однако с введением огнестрельного оружия эти качества человека начинают утрачивать свою прежнюю роль. В новых условиях регулярность, порядок и быстрое исполнение приказов имели для исхода боя намного большее значение, чем прежняя сила и ловкость каждого отдельного солдата.

В армию стали набирать более молодых людей, подчиняя их напряженному дисциплинарному режиму. Муштра наложила свою печать и на ход проводимых сражений. Теперь боевые действия сводились к повторению совершаемых в строю механических перемещений, которые предполагали полный отказ от проявления человеческой индивидуальности. Применение новых методов ведения войны оказалось весьма эффективным в борьбе с теми, кто продолжал воевать традиционным способом. В то же время, когда новые армии сражались друг с другом, они редко могли добиться решающей победы. Создававшаяся ситуация способствовала осознанию того, что моральные факторы не менее важны, чем технические.

Служба в армии стала рассматриваться как гражданский долг каждого мужчины. Традиционное различие между военными и штатскими теперь исчезало во время битв.

Именно благодаря такой перемене в гражданской идентичности европейским государствам удалось мобилизовать беспрецедентное количество населения для участия в мировых войнах.

Новой вехой в истории войны стало создание ядерного оружия, а использование ракет для его доставки обозначило в развитии ядерного оружия качественно новый этап. Появление такого оружия привело к беспрецедентной ситуации, когда развязывание ядерной войны против отдельного субъекта угрожает уничтожением всего человечества. Кроме того, нарастают деструктивные последствия обычных войн. Дань, которую пришлось заплатить человечеству за развязанные после 1945 г. войны, стала сравнима с общими потерями во время Второй мировой войны.

Исследование войн предполагает не только анализ их эволюции во времени, но и изучение распространения завоеваний в пространстве, а также результатов их волнового воздействия на социальную среду. При этом, как представляется, следует выделить два уровня исследования такого воздействия: макроуровень, включающий государственные образования, и микроуровень, относящийся к индивидам и их социальным группам. Какое воздействие оказала волна завоеваний на государственные образования?

Первые цивилизации состояли из множества независимых городов-государств, разбросанных по аллювиальным долинам рек.

Они представляли собой фрагментарные социальные образования, расположение которых в пространстве наиболее адекватно воспроизводит кластерная модель. Периоды независимости городов-государств отмечены наиболее значительными событиями в их созидательной деятельности. Однако за периоды расцвета приходилось платить высокую цену. Обратной стороной независимости оказывались анархия и разгул кровавых войн, ненадежность человеческого существования.

Распространение волны завоеваний, отрицая прежнюю независимость, сопровождалось установлением гегемонистской власти, вело к возвышению одной или нескольких наиболее сильных держав.

Гегемония, однако, не сводилась к диктаторскому режиму. Хотя гегемония устанавливала существенные ограничения на внешнеполитическую деятельность, входящих в систему государств, тем не менее, она оставляла в их компетенции вопросы внутренней политики и управления.

Более высокую степень контроля на подчиненные государства налагало доминирование. При этом ограничивалась не только внешнеполитическая деятельность подчиненных государств, но и до некоторой степени их управление внутренними делами. Тем не менее у субъектов системы сохранялась возможность осуществлять внутренний контроль и сохранять идентичность как отдельное государство.

В процессе завоеваний происходило объединение отдельных государств, образование империй или «мировых держав». Империи существенно отличались от прежних государственных объединений, превосходя по своим размерам каждое из них. Социальное пространство империй было весьма неоднородно. Империи насильственно объединяли в единое целое народы, большинство из которых существенно различалось по этнической принадлежности, по языку, культуре, по уровню социального и экономического развития. Наконец, в отличие от прежних крупных государственных объединений, в которых не нарушалась традиционная структура управления подчиненных стран, имперская территория была разделена на однообразные, управляемые из центра административные единицы.

Принципиальные требования империи предполагали подчинение завоеванных стран имперскому порядку, следование установленному внешнеполитическому курсу, оказание финансовой поддержки империи, а также предоставление в случае необходимости своих войск. Тем не менее, прямое управление не сводилось к неограниченному произволу властей. Имперская верхушка вынуждена была считаться с местными обычаями

и традициями и предпочитала не изменять их. Там, где империя предоставляла завоеванным странам автономию, имперское управление воспринималось как менее обременительное.

Социальное пространство империи включало несколько зон.

Среди них наиболее высокой степенью интеграции и контроля отличалось ядро, где осуществлялось прямое централизованное управление. За ядром находилась зона доминирования с различной степенью внутренней автономии, а за ней зона гегемонии, налагавшая ограничения лишь на внешнюю политику государств. Наконец, окружающий империю внешний мир включал в себя как независимые государства, так и имперские структуры. Как можно заметить, последовательность зон в социальном пространстве при движении от центра к периферии отражала последовательность смены типов межгосударственных отношений во времени.

В условия империи отчетливо проявилась тенденция к всеобщности, к универсальности. Империю отличало наличие единого официального языка, на котором составлялись и рассылались из центра по всему государству официальные документы. В ней была установлена общегосударственная налоговая система, при которой все административные единицы платили строго зафиксированные для каждой области денежные налоги. Наконец, в условиях империи подвергалась унификации не только налоговая система и язык, но и меры веса, длины и емкости [10, с. 502].

Взамен бесконечного многообразия монет и денежных систем, царивших в предыдущую эпоху, в империи была установлена единая денежная система, использовались всеобщие унифицированные деньги.

Характерным выражением единства империи и постоянной взаимосвязи всех ее частей стали знаменитые имперские дороги.

Все они были подчинены единому режиму функционирования и служили одной главной цели максимально быстрой переброске товаров, войск и денег. Такие дороги имели не только стратегическое, но и символическое значение. Пересекая самые разнообразные ландшафты, проложенные на долгие века, они демонстрировали, с одной стороны, власть над пространством, а с другой неподвластность времени.

Единая централизованная империя требовала для своего упрочения соответствующей религиозно-идеологической системы, поиска универсальных божеств, которым были бы подчинены все народы. Требовалась религия, соответствующая новым общественным условиям, способная стать единой для всего разноплеменного населения империи. В условиях империи, как отмечал Дройзен, обнаружилось, что пора местных и национальных, то есть языческих религий миновала, что объединенное наконец человечество требует единой и общей религии, воспринять которую оно способно [11, с. 314].

Образование «мировых» империй оказало существенное влияние на общественную психологию. Состояние политической неустойчивости, невозможность для рядового человека оказать какое-либо заметное влияние на ход общественной жизни и в то же время кажущаяся исключительная роль великих руководителей приводили к росту индивидуализма. В условиях массовых притеснений, нарушения привычных связей, широкого межэтнического общения формировалась идеология космополитизма. Социальная идентичность для космополитов не ограничивалась рамками городов-государств. Они считали себя гражданами мира, отмечали свою сопричастность с тем, что происходит в масштабе ойкумены. В космополитизме нашли отражение попытки определить место индивидов в окружающем неустойчивом мире, восстановить чувство единства человека и космоса, перейти к моральному руководству поступками людей.

Охватывая все новые территории, волна имперских завоеваний неизбежно достигала предела, когда ее дальнейшее распространение требовало столь высоких затрат, которые уже не мог себе позволить завоеватель. Действительно, все большие расходы были нужны для защиты границы, протяженность которой в ходе завоеваний постоянно возрастала; новые затраты требовались для содержания администрации, необходимой для управления присоединенными областями; все большие расходы приходилось империи делать, чтобы

поддерживать внутренний мир и порядок в пределах своей расширяющейся территории; с ростом расстояния между центром и пограничными областями увеличивались издержки, необходимые для обеспечения функционирования транспортных средств.

Наконец, по мере расширения завоеванной территории возрастала вероятность столкновения с более сильным противником, который мог остановить дальнейшую экспансию империи.

Завоеванные территории требовалось не только подчинить, но и организовать управление ими, а в случае необходимости защищать. В начальный период завоевание давало победителям возможность получить значительный приток материальных средств.

Однако в дальнейшем получаемые доходы начинали падать. Если вначале подчиненное население подвергалось наиболее высокой эксплуатации, то в последующий период, получая хотя бы частично статус граждан, жители постепенно освобождались от первоначально крайне жестокого гнета властей. К этому следует добавить, что, завоевав страну, победители лишь вначале имели возможность безнаказанно грабить накопленные за многие годы чужие богатства, однако такой источник прибыли сравнительно быстро иссякал. Таким образом, по мере того, как административные расходы, связанные с оккупацией, росли, а подчиненное население, обретая гражданские права, добивалось понижения степени эксплуатации, первоначально наиболее высокие доходы, получаемые от завоеваний, начинали падать. Обеспечивая захват обширной территории и значительный приток средств, завоевания могли обеспечить лишь временную передышку от падения эффективности социальной системы. Дальнейшее обострение противоречий могло привести к коллапсу.

Коллапс наступал тогда, когда расширение и усложнение империй достигало своего предела. Главная особенность коллапса заключалась в том, что в этом состоянии происходила существенная и сравнительно быстрая утрата империей достигнутой степени социокультурной сложности. Как видим, коллапс не следует отождествлять с падением того или иного режима. Падение режима предполагает обязательное изменение персонального состава руководства, однако оно вполне может происходить без какой-либо структурной реорганизации социальной системы.

Кроме того, с точки зрения времени падение династий происходит гораздо чаще, чем наблюдается коллапс. Чем же характеризуется состояние коллапса? Коллапс сопровождается крушением установленной системы власти и централизованного контроля. При этом в пределах прежней формально объединенной территории образуется целый ряд более мелких независимых государств. Вместо прежнего централизованного снабжения и рыночного обмена устанавливается господство местных самодостаточных хозяйств, а ведущееся до этого строительство монументальных сооружений и организация общественных работ существенно ограничивается или прекращается совсем. Изменения охватывают также область технологии и приводят к распространению ее более простых форм. Наконец, коллапс сопровождается быстрым и значительным сокращением численности и плотности населения, в результате чего многие поселения покидаются населением совсем.

Таким образом, в ходе развития империй их усложнение и соответствующий рост затрат постепенно начинают обгонять производственные возможности общества. Когда несоответствие между этими составляющими достигает предельной величины, империя вступает в коллапс. Коллапс, однако, не сводится только к распаду чрезмерно усложненных структур. По сути он представляет способ восстановления нарушенного соответствия между уровнем сложности, соответствующими затратами, идущими на его поддержание, и производительными возможностями общества.

Литература

1. Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. М.: Эксмо, 2013. 512 с.

2. Wright Q. War // International encyclopaedia of the social sciences / Ed. D.L. Sills. Vol. 10. New York: Macmillan and Free Press, 1968. P. 386–395.
3. История первобытного общества / ред. кол. Ю.В. Бромлей [и др.]; в 3 т. Т. 2: Эпоха первобытной родовой общины / под ред. В.П. Алексеева [и др.]. М.: Наука, 1986. 572 с.
4. Keegan J.A. A history of warfare. New York : Knof, 1994. 432 p.
5. Child V.G. What happened in history. New York : Penguin books, 1965. 256 p.
6. Горелик М.В. Оружие древнего Востока, IV тысячелетие – IV в. до н.э. 2-е изд., доп. СПб.: ТПП «Атлант», 2003. 336 с.
7. Эпос о Гильгамеше. («О все выдавшем»). СПб.: Наука, 2006. 214 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 446 с.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. М.: Эксмо, 2009. 957 с.
10. История древнего мира / под ред. И.М. Дьяконова [и др.]. 3-е изд., испр., доп. М.: Наука, 1989. Кн. 2: Расцвет древних обществ. 572 с.
11. Дройзен И.Г. История эллинизма: пер. с нем; в 3 т. СПб.: Наука, Ювента, 1997. Т.1: История Александра Великого. 447 с.